

САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА В ПРУССИИ В XIII в. ПО ДАННЫМ СФРАГИСТИКИ

Корпоративная самоидентификация и репрезентация Тевтонского ордена в период христианизации прусских земель и создания административных структур в регионе до 1309 г. изучена недостаточно. Связано это, в первую очередь, с недостатком источников (в отличие от периода «расцвета», первой трети XIV в., блестящие памятники историописания и литературы которого издавна привлекали исследователей). Следует отметить и методологическую проблему: письменные памятники, традиционно привлекаемые для осмысления орденской культуры, функционально чаще всего имеют либо нормативный (Статуты), либо дидактический (нарративные источники) характер. Представляемые ими сравнительно хорошо изученные модели отражают лишь одну грань корпорации.

Обогатить картину позволяют визуальные источники, в первую очередь – личные и должностные печати официалов Ордена. Будучи единственным видом памятников искусства Пруссии до XIV в. (Kahsnitz 1994. S. 13), они позволяют выявить бытовавшие модели самопредставления. Правовой и репрезентативный аспекты использования печатей были равно значимы в средневековой культуре, с XII в. владелец (*ego*) отождествлялся со своим изображением (*imago*), а печать обрела характер визуального кода, целой информационной системы, содержавшей разностороннюю информацию о гендерной, конфессиональной, социальной и др. идентичностях владельца. Пруссия XIII в. представляет в этом плане привлекательный объект изучения: в отличие от приобретавшихся в иных регионах владений, нередко с уже существовавшими патронатами, Орден созидал здесь будущее государство практически «с нуля», обладая значительно большим объемом прав.

Печати орденской Пруссии известны гораздо лучше, нежели печати иных владений Ордена. Репрезентативность печатей как исторического источника имеет и свои ограничения. Составление общего числа известных на 1300 г. администра-

тивных единиц и должностей с числом сохранившихся печатей дает отношение примерно 1/3, работающее и для Пруссии: на 28 административных единиц в Кульмской земле и Пруссии приходится 9 сохранившихся печатей, при этом 3 – в 8-ми наиболее важных комтурствах. Редкость печатей при документах Ордена проистекает как из сохранности самих грамот (более чем в 90% дошедших в виде позднейших транссумптов: Agt-gart 1995. S. 112), так и, видимо, из сравнительной редкости самих ранних печатей. Лучше представлены печати высших официалов Пруссии – ландмейстеров и комтуров Кульмской земли, – известные в нескольких экземплярах; для других должностей они встречаются единожды. За исключением двух случаев, это анонимные должностные печати. Орденские Статуты регламентировали лишь правовой аспект их использования, иконография не регламентировалась, и выбор модели саморепрезентации находился в компетенции самого официала. Впрочем, не следует исключать и влияния орденских капелланов, заведовавших канцеляриями. Современную типологию средневековых печатей разработал Т. Дидерих, положив в ее основу «смысловой» подход (Diederich 1983); согласно ей в регионе можно выделить повествовательный, гласный, символический типы печатей, а также печати со святым. Систематизация изображений на орденских печатях позволяет говорить об их обычном для своего времени характере, почерпнутом из культурного фонда эпохи и предполагающем иерархическое соответствие социального положения стратегии визуализации. Следует отметить своеобразное «резервирование» образов Христа и Девы Марии высшими официальными и преобладание «гласных» эмблем для иных уровней иерархии, не характерное для других орденских владений.

Методологически наиболее сложной проблемой является интерпретация иконографии печатей. Будучи самостоятельной и самодостаточной невербальной эмблематической системой, основанной, скорее, на обычаях, традиции, визуальном восприятии, нежели на праве, печати нечасто позволяют обнаружить прямой «ключ» к своим изображениям. Уникальность их информации является и причиной интерпретативной сложности. Существующие подходы сводимы к двум: поиск значения, во-

первых, во внешних относительно памятника текстах и, во-вторых, в различных сопутствующих исторических контекстах. Принципиально важным был сам факт наличия того или иного изображения, уже являвшегося идеологией. Залогом эффективности функционирования печати как средства коммуникации выступала адекватность ее прочтения адресатом, соотносившим образ и владельца. Это предполагает оперирование смыслами в рамках общего информационного универсума, нивелирующее индивидуальные значения.

Беглый анализ письменных памятников Тевтонского ордена XIII в. позволил выявить следующие идейные доминанты. Аренги документальных источников, грамот, нерегулярные и вариативные в орденской канцелярской практике, акцентируют внимание на мотиве небесного воздаяния (Armgart 1995. S. 84). Нарративная традиция представлена памятниками историописания и религиозной литературы. В «Повествовании о началах Тевтонского ордена» 1252 г. его основание мотивируется милосердием и благочестием. Пролог Устава (не позднее 1264) выводит на первый план ветхозаветные образцы и префигурации рыцарей и священников Ордена как борцов с язычеством, а также эсхатологический мотив основания Ордена. «Донесение Германа фон Зальца» (ок. 1247), посвященное уже собственно Пруссии, вновь упоминает ветхозаветные прообразы, добавляя идеи защиты мира, борьбы с язычниками, миссионерства, а также культ Девы Марии. Абсолютное преобладание идеалов героев Ветхого Завета видно и в памятниках духовной литературы, книгах Иудифи (1254 г.), Есфири (вторая половина XIII – начало XIV в.) и др.

Представление святых патронов было наиболее популярной формой самоизображения духовных лиц и институций. Корпорация считала себя выраженной в святом; он был ее собственником, воплощением, «правовым лицом» (Kahsnitz 1994. S. 18). Выбор святого патрона был осознанным шагом, скрывавшим определенную программу, выражавшуюся и иконографией – чутким к изменениям маркером.

Наиболее ранним памятником сфрагистики Ордена в Пруссии является печать конвента с изображением св. Георгия как пешего воина (Schmid 1937. S. 182). Схожее изображение, но с

рыцарем, встречается на брактеате орденской чеканки рубежа 1230–1240-х годов (Waschinski 1934. S. 17–18). Образ интерпретировался как воплощение идей *miles Christi* и мученичества за веру (Dygo 1992. S. 345). Доминируя по числу патронируемых им сакральных объектов в Пруссии (50, для сравнения: Дева Мария – 38. – Rozynkowski 2006. S. 176), св. Георгий лишь единожды встречается в орденской сфрагистике, и только в этом регионе. Среди возможных объяснений феномена отмечается отсутствие у ордена собственных святых (Ibid. S. 201). Резко отличные иконографические программы дают печати капитулов орденской Пруссии, явно тяготеющие к Деве Марии.

Сцена Бегства в Египет относится к циклу наиболее распространенных в орденской сфрагистике сюжетов из жизни Христа и Девы Марии. Появившись впервые в 1233 г. на персональной печати Германа Бальке, эта сцена отныне репрезентирует должности ландмейстеров Пруссии (Schmid 1937. S. 184–186), будучи дольше всего используемым официальным изображением. Исследователи указывали на связь сюжета с памятью Невинноубиенных младенцев (Рогачевский 2002. С. 249), а также с идеей обращения язычников, апеллируя к схожей апокрифической сцене сокрушения идолов (Jakubowska 1992. S. 195). Эту сцену можно рассматривать как визуальную цитату из Библии, соотносящую топос с владельцем.

Печать маршала в Пруссии 1282 г. символически отображает его военную функцию (Kahsnitz 1990. S. 377–378). Этот тип был наиболее характерен для высших гебитигеров Ордена.

Изображение на печати комтура Кульмской земли 1246 г., представляющее собой гексаграмму с неясным изображением в центре шестиугольного поля, сложно интерпретировать (Löwener 1998. Tabl. 5). Оно определялось как ложе под балдахинем с крестом (Preussisches Urkundenbuch 1882. S. 130) и как звезда Давида с короной или храмом с куполом в центре (Jóźwiak 2002. S. 170). Не исключена и мариологическая или территориальная эмблематика.

Последующие печати ландкомтура Кульмского демонстрируют иной мотив, представляя единственный случай смены иконографии, что, впрочем, не было необычным для сфрагистики ландкомтуров других орденских земель, отражая процессы

административных реорганизаций. На печати 1255 г. виден восседающий на троне Христос с воздетыми дланями, держащий в левой из них Библию. Между 1309 и 1311 гг. этот сюжет вновь подвергся трансформации, явив Христа восседающим уже на радуге. П. Олиньский трактует это как смену идеи миссионерства территориальной властью (Oliński 1998. S. 12–15). Нельзя согласиться с Ю. Сарновским, склонным видеть властную эмблему лишь на монетах и считающим печати (за исключением печатей верховных магистров) носителем только корпоративного самовосприятия (Sarnowsky 2005. S. 192). Информация печатей позволяют утверждать, что культ Христа был распространен среди орденских официалов Пруссии значительно больше, нежели культ Девы Марии, имевшей статус официальной патронессы. Успение Богоматери встречается лишь единожды, на личной печати вице-ландмейстера Пруссии Бурхарда фон Хорнхаузена 1256 г. Евангельские сюжеты с Христом и Его ветхозаветными префигурациями абсолютно преобладали и на печатях ландкомтуров земель в Священной Римской империи, встречаясь в 9 из 10 случаев.

Печати комтуров Христбурга (1250), Кенигсберга (1262) и Торна (1296) образуют наиболее массовый тип печатей, «гласные», представляющий имя комтурства при помощи изображения, отсылающего к региону происхождения братии.

Должностная саморепрезентация официалов Тевтонского ордена в прусских землях основывалась на разных началах, демонстрируя различные механизмы эмблематизации, в целом далеко отстоя не только от Святой земли, но и от соседней Ливонии. Расходясь с письменной традицией, восходящей к «ученой» культуре и носящей нормативно-дидактический характер, печати отражают фактическое самовосприятие братии, в частности, совсем по-иному соотнося сюжеты Ветхого и Нового Заветов. Существенно отличаются и агиографические модели, представляя основным патроном Христа. Св. Георгий и св. Елизавета, наиболее почитавшиеся в Ордене наряду с Девой Марией святыне, в сфрагистике присутствуют лишь единожды. Перевод центральной администрации в Пруссию на рубеже 1300–1310-х годов привел к реорганизации сложившейся эмблематической системы.

Литература

- Рогачевский А.Л.* Кульмская грамота – памятник права Пруссии XIII в. СПб., 2002.
- Armgarth M.* Die Handfesten des preußischen Oberlandes bis 1410 und ihre Aussteller. Beiträge zum Urkundenwesen des Deutschen Ordens in Preußen. Köln; Weimar; Wien, 1995.
- Diederich T.* Prolegomena zu einer neuen Siegel-Typologie // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. Münster, Köln, 1983. Bd. 29. S. 242–284.
- Dygo M.* Studia nad początkami władztwa zakonu niemieckiego w Prusach (1226–1259). Warszawa, 1992.
- Jakubowska B.* Malborska Ucieczka do Egiptu – motyw i funkcja // Sztuka i historia. Materiały sesji Stowarzyszenia Historyków Sztuki. Warszawa, 1992. S. 181–195.
- Józwiak S.* Pieczęcie urzędników krzyżackich jako źródła do badań nad funkcjonowaniem administracji terytorialnej w państwie zakonnym w Prusach w XIV i początkach XV wieku // Kancelarie krzyżackie. Stan badań i perspektywy badawcze. Malbork, 2002. S. 167–176.
- Kahsnitz R.* Siegel als Zeugnisse der Frömmigkeitgeschichte // 800 Jahre Deutscher Orden: Ausstellung des Germanischen Nationalmuseums Nürnberg. Gütersloh; München, 1990. S. 368–405.
- Kahsnitz R.* Die mittelalterlichen Siegel der Domkapitel im Deutschordensland Preußen // Zeitschrift für die Geschichte und Altertumskunde Ermlands. Münster, 1994. Bd. 47. S. 13–53.
- Löwener M.* Die Einrichtung von Verwaltungsstrukturen in Preußen durch den Deutschen Orden bis zur Mitte des 13. Jahrhunderts. Wiesbaden, 1998.
- Oliński P.* Motywy chrystologiczne na pieczęciach urzędników krzyżackich ziemi chełmińskiej // Rocznik Grudziądzki. 1998. T. 13. S. 9–20.
- Preussisches Urkundenbuch. Politische Abteilung / Hrsg. von R. Philippi, C.P. Wölky, A. Seraphim. Königsberg, 1882–1909. Bd. 1.
- Rozyrkowski W.* Omnes Sancti et Sanctae Dei. Studium nad kultem świętych w diecezjach pruskich państwa zakonu krzyżackiego. Malbork, 2006.
- Sarnowsky J.* Ritterorden als Landesherren. Münzen und Siegel als Selbstzeugnisse // Selbstbild und Selbstverständnis der geistlichen Ritterorden. Toruń, 2005. S. 181–198.
- Schmid B.* Die Siegel des Deutschen Ordens in Preußen // Altpreußische Forschungen. 1937. Jg. 14. S. 179–186.
- Waschinski E.* Brakteaten und Denare des Deutschen Ordens. Frankfurt, 1934.